

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/15617793/516/1

«Некоторые стихотворения Жуковского и теперь уже заслуживают лестное внимание»: литературная репутация поэта в 1797–1812 гг.

Виталий Сергеевич Киселев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kv-uliss@mail.ru

Аннотация. Предметом анализа в статье выступает начальный период в складывании литературной репутации В.А. Жуковского (1797–1812 гг.). Выделяются произведения, успех которых обеспечил выдвижение поэта на заметное место в отечественной словесности, определяются стратегии авторского поведения и взаимодействия с институтами дружеских обществ (круг Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева, младокарамзинисты) и профессиональной литературы (книгоиздатели, журналистика). Обозреваются читательские отзывы и первые отклики критики на события писательской карьеры В.А. Жуковского.

Ключевые слова: литературная репутация, русская литература, В.А. Жуковский, литературная критика, журналистика

Источник финансирования: исследование проведено в Томском государственном университете в рамках проекта Российского научного фонда № 24-18-00386 «История русской литературной критики первой половины XIX века: В.А. Жуковский в прижизненной критической рецепции».

Для цитирования: Киселев В.С. «Некоторые стихотворения Жуковского и теперь уже заслуживают лестное внимание»: литературная репутация поэта в 1797–1812 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 5–16. doi: 10.17223/15617793/516/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/1

“Some of Zhukovsky’s poems still deserve flattering attention”: the poet’s literary reputation in 1797-1812

Vitaliy S. Kiselev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kv-uliss@mail.ru

Abstract. The subject of analysis in the article is the initial period in the folding of the literary reputation of V.A. Zhukovsky (1797-1812). The first stage of the writer’s approval in the literary field (1797-1807) was an attempt to rely on the resources of two systems of literary communication-friendly communities and professional relations. On the one hand, already in the Moscow noble boarding house and a friendly literary society adjacent to it, Zhukovsky found himself in a rich circle environment, the limits of which expanded in the early 1800s. Thanks to the entry into the orbit of the contacts of N.M. Karamzin and I.I. Dmitrieva, and with them most Moscow writers, on the other hand, the need for earnings moved to professional literary activity - translation. Thus, the initial literary reputation of Zhukovsky was primarily in a non-public circle environment, related to friendly, and reactions to transfers from publishers and critics (P.I. Makarov in 1803, M.T. Kachenovsky in 1806) were an addition to it. In artistic terms, rapid recognition was due to the orientation of the young poet to the authoritative Karamzin canon both in prose miniatures and in poetic experiments. An important episode that emphasized the symbolic recognition was the well-known history of the publication of the “rural cemetery” in the December issue of “Bulletin of Europe” for 1802, hopes did not disappear in the “Belevsky solitude”, in 1806, an artistic breakthrough ended when several dozens of new lyrical works of different genres came out of the pen of Zhukovsky. In artistic terms, they demonstrated the fullness of mastering the author of the genre palette of Karamzinism and turning it into a regular participant in literary life. The editor also succeeded in critical materials, and different genres - a review of a new book, a review of the play and the performance (in “Moscow Notes”), an article on aesthetics, a historical genre review - and these samples of Zhukovsky will later reprint in the collections of his prose. Finally, in 1808-1811 Zhukovsky creates each year more than a dozen new poems of different genres. Almost all of them quickly find themselves on the pages of the “Herald of Europe”, offering the reader more and more versions of the genres of the Karamzinsky canon - romance, songs, a love and friendly message, landscape lyrics, elegy for death, epitaphs and, of course, ballads. Thus, the author’s reputation of Zhukovsky during the editing of “Bulletin of Europe” acquired genuine volume, which emphasized the success of his five-volume anthology “Collection of Russian Poems” (published in 1810-1811). With the invasion of the Napoleonic troops, a new and staged

reputation knot for Zhukovsky began: the brightest young poet of the generation by the will of fate and turned out to be an ordinary militia who passed with the Russian army from Borodino to Vilno, and the modest actor of the camping printing house, becoming the immediate witness of historical events, implemented them into the lyrical documents The camp of Russian soldiers ”, “The leader of the winners ”). The energy contained in this situation and charging these texts could not remain - and already at the beginning of 1813 she strongly changed the path of the literary career of Zhukovsky.

Keywords: literary reputation, Russian literature, Vasily Zhukovsky, literary criticism, journalism

Financial support: The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00386: History of Russian literary criticism of the first half of the 19th century: Vasily Zhukovsky in lifetime critical reception.

For citation: Kiselev, V.S. (2025) “Some of Zhukovsky’s poems still deserve flattering attention”: the poet’s literary reputation in 1797–1812. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/1

Четверть века назад А.И. Рейтблат в статье «Как Пушкин вышел в гении» в качестве одной из актуальных задач современной истории русской литературы назвал изучение литературных репутаций [1]. С тех пор количество исследований в этом направлении существенно увеличилось, однако качественного прорыва пока не произошло, и мы имеем весьма неполное представление не только об общих интенциях и инструментах в структурировании поля литературы в ту или иную эпоху, но и о ходе составления большинства авторских репутаций даже классиков отечественной словесности. Одной из таких лакун является репутация В.А. Жуковского – поэта, чье творчество вошло в гимназическую программу еще в 1820-е гг. [2. С. 13] и с тех пор выступает неотъемлемой частью национального культурного канона. Историками литературы накоплен огромный материал как о его художественном наследии, так и о его деятельности, в совокупности влиявших на формирование репутации. Между тем она как целостный феномен никогда еще не становилась предметом внимания литературоведения. Подчеркнем здесь принципиальное различие – существует много работ, в том числе этапных для жукововедения, обобщающих биографию поэта, динамику его творчества, поэтику и место в литературном процессе тех или иных жанров (стихотворных и прозаических) или даже оценку современниками отдельных произведений (в частности, в комментариях к «Полному собранию сочинений»), однако они создают лишь контекст для понимания авторской репутации. Сама же она формировалась под действием несколько иных факторов, недостаточно пока изученных и, тем не менее, определявших динамику читательской рецепции, циркуляцию символического капитала внутри писательского цеха, логику взаимодействия литературы и других социальных институтов (власти, церкви, словесных корпораций и др.) Синхронизация и сведение в единую картину именно этого материала является целью данной статьи.

Настоящая статья включена в проблематику проекта, посвященного изучению рецепции личности и творчества Жуковского в прижизненной литературной критике [3]. Между тем мы исходим из того факта, что как влиятельный институт русская литературная критика оформилась лишь в 1830–1840-е гг., а репутация Жуковского сложилась гораздо ранее – еще в

1810-е гг., а уже в 1820-х гг. подверглась канонизации. Таким образом, ранние разрозненные журнальные отзывы о произведениях поэта и событиях его профессиональной карьеры нужно оценивать на фоне более широких процессов, в которых пересекаются интенции художественного и институционального плана.

Первый этап утверждения писателя в литературном поле (1797–1807) представлял собой попытку опереться на ресурсы двух систем литературной коммуникации – дружеских сообществ и профессиональных отношений. С одной стороны, уже в Московском благородном пансионе и смежном с ним Дружеском литературном обществе Жуковский оказался в насыщенной кружковой среде, пределы которой расширились в начале 1800-х гг. благодаря вхождению в орбиту контактов Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева, а с ними и большинства московских, а позже и части петербургских литераторов, с другой стороны, дилетантские занятия словесностью дохода не приносили, а деньги были постоянно нужны, что подвигало к более профессиональной деятельности – переводческой. Тем самым первоначальная литературная репутация Жуковского складывалась прежде всего в непубличной кружковой среде, родственно-дружеской, а дополнением к ней служили реакции на переводы со стороны читателей, издателей и критиков.

В репутационном плане хороший трамплин представлял собой уже Московский благородный пансион, где поощрялись занятия литературой, имелась возможность напечатать свои произведения в учебном альманахе или даже настоящем журнале, где, наконец, завязывались перспективные знакомства. Всеми этими возможностями Жуковский воспользовался максимально, благо он проявлял не только художественный, но и организационный талант, признаваемый как наставниками А.А. Прокоповичем-Антонским и М.Н. Баккаревичем, так и однокашниками, что позволило ему стать председателем Собрания воспитанников пансиона. В плане контактов именно здесь установились первоначальные знакомства поэта с И.П. Тургеневым и его кругом, с М.М. Херасковым, М.Н. Муравьевым, Г.Р. Державиным, Н.М. Карамзиным и И.И. Дмитриевым. В плане публикаций хорошим каналом доступа к публике стали сначала учебные сборники «Речь, разговор и стихи, читанные в Публичном акте» (1797–1800), а затем два выпуска альманаха «Утренняя заря» (1800,

1803), где были напечатаны его первые стихотворные опыты. Примечательно, что эти связи не разрывались – даже спустя два года после окончания пансиона во втором выпуске «Утренней зари» был помещен и его новый шедевр «Сельское кладбище» (1802), и старые стихи «Мир» (1800), «Человек» (1801) и миниатюры в прозе. Кроме того, поэтические и прозаические опыты Жуковского печатались и в примечательных журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Ипокрена», издававшихся в тот период П.А. Сохацким, также преподававшим в пансионе. В восприятии современников эти ранние публикации сливались в единый комплекс, как можно судить из самой первой публичной критической оценки творчества поэта, сделанной П.И. Макаровым в рецензии на два выпуска альманаха «Утренняя заря». Он писал, указывая на Жуковского и И.А. Петина: «Друзья отечественной литературы порадуются таланту молодых наших писателей – таланту, ожидающему единственно зрелости и тех идей, которые приобретаются не иначе, как долговременным наблюдением света» [4. С. 180–181]. И далее критик привел текст прозаической миниатюры Жуковского «Мысли на кладбище» [4. С. 181–183]. Иронической параллелью подобной многообещающей оценки можно счесть пожелание имениннику, высказанное А.П. Юшковой (впоследствии Киреевской и Елагиной) в письме от 29 января 1802 г.: «Прощай, любезный сочинитель. Желаю тебя скорей видеть, а покамест хочется хотя взглянуть на твой портрет, который, верно, будет в пантеоне российских авторов»¹ [5. Л. 4].

В художественном плане быстрое признание Жуковского было обусловлено ориентацией юного поэта на авторитетный карамзинский канон как в прозаических миниатюрах, так и в стихотворных опытах, уже к 1801 г. приобретших элегическую направленность. Важным эпизодом, подчеркнувшим не просто принадлежность к литературному направлению, но и символическое признание ее главы стала известная история публикации «Сельского кладбища» в декабрьском номере «Вестника Европы» за 1802 г.: как рассказывал М.А. Дмитриев, Н.М. Карамзин отверг первый, еще пансионский вариант перевода, принесенный Жуковским, но второй вариант «принял уже с восхищением» [6. С. 182] и вскоре напечатал в своем журнале. Инициационная формула (патриарх оказывает внимание новичку) здесь органично соединилась с одобрением работы молодого поэта в элегическом жанре, опорном как для старших, так и для младших карамзинистов.

Важными репутационно маркированными шагами самоопределения в литературном поле стали для молодого чиновника Соляной конторы близкие знакомства с Н.М. Карамзиным и И.И. Дмитриевым. С первым Жуковский по линии Е.А. Протасовой (ее покойный муж был родным братом первой жены Карамзина) мог пересекаться в имении Плещеевых еще во второй половине 1790-х гг., однако документально подтверждены их контакты с декабря 1800 г., когда они встретились в доме И.П. Тургенева [7. С. 382]². Временем их тесного общения стала вторая половина 1802 г., в конце октября Е.А. Протасова с удовлетворением пи-

сала: «Очень меня радует, что ты видаешься с Николаем Мих<айловичем>» [8. Л. 11 об.]. Весной 1803 г. Н.М. Карамзин пригласил Жуковского пожить в своем подмосковном имении Свирилово, о чем тот тоже извещал Е.А. Протасову 21 апреля: «<...> я еду на месяц в Свирилово жить вместе с Николаем Михайловичем. Вообразите, какое блаженство, и порадуйтесь вместе со мною. Его знакомство для меня – счастье» [9. С. 494]. Тесно общались Н.М. Карамзин и Жуковский и в начале 1804 г. в Москве, а впоследствии и в те моменты, когда их пути пересекались на протяжении следующих двадцати лет [10–12].

В дневниковых записях Жуковского знакомство с И.И. Дмитриевым поставлено рядом со знакомством с Н.М. Карамзиным и отнесено к концу 1801 г., когда первый переехал в Москву. Летом 1802 г. Жуковский постоянно посещал бывшего обер-прокурора, вышедшего в отставку и жившего в собственном доме в приходе Харитония в Огородниках [13. С. 54, 56]. В начале мая 1803 г. Ан.И. Тургенев писал: «Ты славно проводишь время твое, и я тебя поздравляю с дружбою и связью с Карамзиным и Дмитриевым» [14. С. 425]. В периоды жизни в Москве Жуковский непременно общался с И.И. Дмитриевым, обмениваясь с ним книгами и помогая в разборе бумаг и подготовке к печати его сочинений. В свою очередь тот делился с молодым поэтом своими оценками текущей литературы и ее участников (например, подробно рассказав о своем конфликте с М.Т. Каченовским в 1806 г.) и нередко давал советы о темах возможных произведений, подсказав, например, в письме от начала мая 1806 г. рамку стихотворения «Песнь барда над гробом славян-победителей». Эти контакты вкупе с неизменно уважительными оценками позиционировали юного Жуковского как последователя карамзинской школы.

В ее рамках, однако, его положение было своеобразным. При том, что можно с достаточной уверенностью говорить о знакомстве Жуковского в первой половине 1800-х гг. с широким кругом московских литераторов, чему очень способствовало покровительство И.П. Тургенева, Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева, все же он не был заметной фигурой в публичной словесности. Так, под его именем за период с 1803 по 1806 гг. вышли всего несколько произведений (повесть «Вадим Новгородский» и стихотворение «Песнь барда над гробом славян-победителей» в «Вестнике Европы» и отдельные книги перевод Сервантеса-Флориана «Дон Кихот Ламанхский»), а сам автор по преимуществу с конца 1803 г. жил в Белеве и Мишенском, лишь изредка посещая Москву и один раз Петербург (в марте 1805 г.). Основная его среда, исключая немногочисленные эпистолярные контакты со старшими товарищами в Москве, – это родственники и товарищи по Дружескому литературному обществу с дополнением в виде Д.Н. Блудова, Г.И. Гагарина, В.А. Озерова и нескольких других.

В кругу последних постоянно кипела не только повседневная-бытовая, но и литературная жизнь – обсуждались планы переводов и оригинальных произведений, читались новые стихи, оценивались новинки, про-

износился суд над книгами и персонажами современной словесности – причем позиция молодого поколения была достаточно свободной по отношению к мэтрам, достаточно вспомнить критическое мнение Ан.И. Тургенева о роли Н.М. Карамзина в русской литературе или столь же скептическое мнение о нем Д.Н. Блудова до личного знакомства осенью 1804 г. Наиболее концентрированно этот поиск самостоятельного места выразился в кратковременной (январь – июнь 1801 г.), но энтузиастичной деятельности Дружеского литературного общества, с его предощущением грядущей миссии, с желанием сказать новое слово в отечественной словесности. Пылкие речи и обсуждения литературных замыслов стали единственными плодами этого вполне камерного штюрмерства, однако именно здесь – в замкнутой среде, не выходя в публичное пространство – постепенно оформлялись авторские образы и репутации (капризный «философ» С.Е. Родзянко, энтузиаст и полемист Ан.И. Тургенев, тяжеловесно рефлексировавший А.Ф. Мерзляков, горациански умеренный Жуковский), наиболее плодотворные из которых вскоре молодое поколение будет продвигать в нарастающих конфликтах карамзинистов и архаистов, сторонников «истинной» и «ложной» чувствительности, в противостоянии отдельных групп и в персональных полемических баталиях.

На роль потенциального лидера, особенно после преждевременной смерти Ан.И. Тургенева в 1803 г., как раз больше всего подходил Жуковский. В отличие от всех своих друзей, активно делавших служебную карьеру, он оставил с мая 1802 г. чиновничье поприще и полностью сосредоточился на литературе. Писал он до 1806 г. немного, но каждое его новое произведение в кругу друзей воспринималось горячо и с интересом. Так, с восторгом отозвался о «Сельском кладбище» Д.Н. Блудов, прочтя публикацию элегии в конце декабря 1802 г.: «Вообще, мой друг, твоя элегия не только для твоих лет, но и для всяких лет прекрасна. Я назвал ее *chef-d'oeuvre*³ другому, но из твоих сочинений – она не должна быть *chef-d'oeuvre*. Сделай милость, сообщая мне всё, что сделаешь нового, я с истинным удовольствием учу твои стихи наизусть» [15. Л. 11 об.]. В схожем духе отзывался Ан.И. Тургенев 31 декабря 1802 г. / 12 января 1803 г. – 2/14 января 1803 г. из Вены: «Очень бы мне хотелось видеть твою “Элегию” и иметь понятие о том, какова она теперь» [14. С. 418]. 1 февраля 1804 г. тот же Д.Н. Блудов приветствовал выход в свет повести «Вадим Новгородский» и высказывал надежду на продолжение поэмы «Марьяна роща»: «Ожидаю чего-нибудь хорошего, я уверен, что повесть о Вадиме заставит забыть трагедию⁴. Но почему ты забросил свою поэму “Марьяна роща”? Название должно быть особенно тебя завлекать: я ждал тут много удовольствия и другим обещал <...>» [15. Л. 21 об.].⁵ 2 июля 1805 г. Ал.И. Тургенев спрашивал друга: «О твоей бездейственности я более жалею, нежели ты сам. Что ты голосу не подашь о себе публично? Зачем не кончил перевод “Элегии” Парни?»⁶ [16. С. 340]. В схожем духе подстегивал молодого поэта И.И. Дмитриев в письме от начала мая 1806 г.: «<...>

скоро ли мы увидим что-нибудь Вашего произведения? Не зародился ли какой-нибудь внучек Марфы Посадницы? Но я лучше бы желал увидеть колдунью в Марьиной роще, или, в духе идиллии, возвращающегося со службы воина в свою отчизну, или барда на поле битвы после ночного сражения, или оду “Песнопевец, или четыре времени дня” – но мало ли что приходит в голову на досуге» [17. Стб. 416]⁷.

Параллельно репутации яркого, но еще не реализовавшегося таланта, готовящегося к главным свершениям, существовал еще один репутационный аспект, связанный с профессиональной переводческой деятельностью Жуковского в 1800–1806 гг. В курсе ее были многие друзья, как ровесники (Ан.И. Тургенев, А.Ф. Мерзляков), так и старшие товарищи (И.И. Дмитриев, выступивший в 1806 г. посредником в передаче денег от П.П. Бекетова за перевод «Дон Кихота Ламанхского»), однако согласно аксиологии эпохи она воспринималась лишь в качестве способа заработать – и не более. Именно поэтому данная сторона остается пока наименее изученной и документированной в биографии Жуковского. Помимо нескольких имен издателей-заказчиков (И.Е. Зеленников, П.П. Бекетов, И.Ф. Керцелли) фактически ничего не известно об обстоятельствах подготовки перевода и публикации таких объемных работ, как романы «Мальчик у ручья» (1800) и «Дон Кишот» (1803–1806), повести «Ильдегерда» (1801), «Вильгельм Тель» и «Розальба» (1802), либретто «Четыре времени года» (1802)⁸. Между тем можно с уверенностью говорить о хорошей репутации Жуковского в среде московских книгоиздателей и книгопродавцев, благодаря которой через него искали, например, переводческую подработку сестры Юшковы (что отразилось в их письмах 1801–1807 гг.). Интересные реакции на переводы молодого автора можно найти в письмах родственников. Так, в 1801 г. Е.А. Протасова сообщала: «Посылаю 5 р<ублей> на покупку или на подписку за “Мальчика у ручья”. Уверена (знавши твой вкус), что она очень хороша, а для меня очень интересна будет» [8. Л. 3]. Она же 8 ноября 1802 г. приветствовала: «Расположение твое трудиться в переводе так, как ты описываешь, очень похвально. Хотя ты и ошибся в нумерации, но я понимаю, что ты надеешься получить 1500 р<ублей> в год, а не так, как ты написал 15000!» [8. Л. 6] По последнему высказыванию можно судить, что какое-то время Жуковский планировал полностью профессионализироваться и жить переводами. А переводил он, действительно, очень много, причем не только для заработка, но и для себя («Примеры слога, выбранные из лучших французских прозаических писателей», «Избранные сочинения Жан-Жака Руссо», «Старые сочинения и переводы в прозе» и др.), очевидно, видя в этом способ самоопределения [20. С. 34–140].

Эти усилия оказались отмечены и публично. Вторая из ныне известных рецензий на произведения Жуковского была написана как раз журналистом-профессионалом М.Т. Каченовским и касалась перевода «Дон Кишота». Пользуясь репутационным успехом героя (см. далее), критик убеждал читателей в декабре 1806 г.: «Г. Жуковский оказал приятнейшее одолжение любителям

отечественной словесности, предложив им такую книгу, которая переведена и беспрестанно переводится на все языки и которую уже более двухсот лет люди всякого звания читают с великим удовольствием. <...> Читатели увидят это из следующего разговора между Дон Кишотом и ламанхским дворянином; увидят также, к какому классу переводчиков надлежит причислять г-на Жуковского» [21. С. 286, 288].

Надежды друзей и первые одобрения критиков не пропали втуне – период «белевского уединения» закончился в 1806 г. художественным прорывом, когда из-под пера поэта вышло несколько десятков новых лирических произведений разных жанров – элегий, басен, сонетов, эпиграмм, эпитафий, песен, а также ряд прозаических опытов. В художественном плане они продемонстрировали полноту овладения автором жанровой палитрой карамзинизма и превращение его в регулярного участника литературной жизни, благо значительная часть их через короткий срок (начиная с декабря 1806 г. и весь 1807 г.) окажется опубликованной в журнале «Вестник Европы». Особое читательское внимание привлекла публикация «Песни барда над гробом славян-победителей», о чем поэта, находившегося тогда в Москве, не преминули известить родственники. Так, 11 декабря 1806 г. в коллективном письме М.Г. Бунина передавала: «Твое сочинение очень хвалил <Ф.В.> Ростопчин». Здесь же А.П. Киреевская продолжала: «Надеюсь, что Вы доставите мне окончание “Барда”, Вы знаете, что я хотя и мало толку знаю в литературе, но больше всех радуюсь Вашими сочинениями. Жаль, что Вы продешевили их! Не мудрено, что Каченовский так охотно берет Ваши сочинения: они могут украсить всякий журнал! <...> Ростопчин еще раз был у тетушки и в восхищении от “Барда”!» [22. Л. 5–5 об.] К их хору присоединилась 29 декабря М.П. Юшкова: «Читала Вашего “Барда” в “Вестнике” и натурально восхищалась. Ежели бы он во всех произвел такое же чувство, как во мне, то, верно, французы были бы совершенно разбиты» [22. Л. 13]. В январе 1807 г. она же продолжала: «Мне очень было досадно, что я не видала письма Тургенева; сестрицы мне сказывали, что он очень хвалит Вашего “Барда”, которого и я читала в “Вестнике” и которым и я восхищалась» [22. Л. 4].

В порыве энтузиазма Жуковский пишет в декабре 1806 г. и январе-феврале 1807 г. большие письма А.И. Тургеневу и Д.Н. Блудову, рассказывая о своих замыслах и радуясь ответным похвалам, например, в письме от 24 декабря 1806 г.: «Стихи напечатаны в “Вестнике” прежде, нежели я получил твое воспламеняющее письмо, которое оживило мой гений. Для стихотворца, который себя чувствует, довольно двух судей, одаренных сродным с ним чувством: твоя похвала и Блудова стоят для меня похвалы всех наших почтенных сограждан и современников» [23. С. 47]. Этот энтузиазм не затухает в Жуковского и далее, подвигая к мысли развить успех и явиться перед публикой уже не только как плодовитый и успешный поэт, но и как действительный лидер молодого поколения карамзинистов. Пробы профессиональной переводческой деятельности убеждали, что хорошей площадкой здесь может выступить самостоятельное издание журнала, которое, с одной стороны, должно

было принести доход, а с другой послужило бы поводом для консолидации круга товарищей.

Выбор закономерен пал на «Вестник Европы», который в 1806–1807 г. находился в межеумочной ситуации: его редактор М.Т. Каченовский с мая 1806 г. был в конфликте с И.И. Дмитриевым, а в первой половине 1807 г. выступил на стороне А.С. Шишкова в полемике о русском и французском языке и, шире, в антифранцузской националистической пропаганде (пользовавшейся официальной поддержкой до заключения Тильзитского мира) [24], между тем он сотрудничал со многими сторонниками Н.М. Карамзина и обильно публиковал их произведения, в частности плоды музыки Жуковского. Для М.Т. Каченовского временный уход от редактирования стал способом смягчить репутационные потери, для Жуковского – вернуть журнал в лоно карамзинской традиции и тем самым перейти из статуса рядового участника школы в ранг ее активного деятеля и организатора.

Реальное положение оказалось, однако, намного сложнее. Со стороны родственников и друзей планы издания журнала и его первые номера вызывали только восторг. Вот несколько подобных отзывов: «Вы, верно, уже договорились о “Вестнике”, *mon bien cher cousin*⁹, и, верно, уже хлопчете. Дай бог Вам успеху, с большим удовольствием буду читать все, что Вам угодно. Я очень была бы счастлива, ежели мне удастся Вам помочь» [25. Л. 7 об.] (М.П. Юшкова, 11 октября 1807 г.); «С каким нетерпением мы ждем “Вестника”, этого пересказать нельзя; маминька уже подписалась на него» [26. Л. 25 об.] (М.А. Протасова, ноябрь 1807 г.); «“Вестник” всех нас восхищает. Прекрасно! Прекрасно! Базиль, мы уже все раза по три его прочли. Ва<сильи> Ив<анович> Киреевский также без памяти хвалит. Один Николай Петрович Свечин говорит (он здесь был, но ты не сказывай Маше *об этом*), что как ты это мог осмелиться такой журнал издавать, что тебе надобно для сего иметь сношение со всеми государственными кабинетами, знать секреты всех дворов, а что ты далее своего носу ничего не видал. Да и доказательство, что ты даже и переводил очень дурно, потому что и “Донкишота” только одну часть напечатали, а прочих уже и не стали, так они дурно написаны. Это ему, будто, сказывал *Хвостов*» [25. Л. 1–1 об.] (Е.А. Протасова, 10 января 1808 г.). В последнем отзыве, пересказывающем оценку Д.И. Хвостова, отразились давние полемике круга И.И. Дмитриева с литераторами «Друга просвещения».

Приступая к редактированию «Вестника Европы», Жуковский и сам всю вторую половину 1807 и первую половину 1808 гг. был одержим энтузиастическим порывом возвысить уровень издания и, опираясь на поддержку друзей (Д.Н. Блудова, А.И. Тургенева, Д.П. Северина, П.А. Вяземского и др.), превратить его в энциклопедический орган европейского просвещения и рупор младокарамзинистского литературного сообщества¹⁰.

Но, как показала практика, формат подлинно энциклопедического издания, соединяющего политику, литературу, науку и быт, для русской журналистики оказался неподъемен до второй половины 1820-х гг.,

когда появилась практика редакционных групп. В одиночку же выполнять огромный объем подготовительной издательско-редакционной работы было возможно только на короткой дистанции и в ограниченном формате. В результате усилиями Жуковского в 1808 г. «Вестник Европы» приблизился к форме литературного альманаха, где центральную часть занимали разделы оригинальной поэзии и переводной прозы, а обрамлением служил небольшой блок новостей и публицистики [27, 28].

При этом прозаические переводы составляли более половины каждого номера журнала [20. С. 141–177]. Разыскания В.И. Симанкова позволили атрибутировать источники подавляющего числа этих переводов [29, 30], а подготовленные нами к печати письма М.Т. Каченовского к Жуковскому 1809–1811 гг. (то есть с момента возвращения первого к изданию «Вестника Европы») открывают «кухню» этой утомительной переводческой деятельности, за которую основной редактор и по совместительству кум платил соредактору аккордно за каждый номер, вычитая суммы за подписку на зарубежные журналы и альманахи, с которых осуществлялись переводы. Будучи поставленной на поток, подобная работа ощутимо удалялась от лелеемого Жуковским идеала просветительской авторской миссии и воспринималась как подсобная и коммерческая (в письмах к А.И. Тургеневу он назовет эти переводы поделками). Позднее писатель из огромного объема переведенной прозы выберет для переиздания 1816 [31] и 1827 [32] гг. лишь менее трети произведений разных жанров (повести, травелоги, письма, нравоучительные эссе, критические статьи). Таким образом, к 1809–1811 гг. Жуковский на деле узнал, насколько тяжела и не блестяща по финансовым и репутационным условиям профессиональная литературная деятельность.

Наиболее последовательно авторская программа журнала воплотилась в выпусках января – августа 1808 г., определивших новую репутацию поэта. В первых, это была достаточно качественная европейская беллетристика малых форматов (миниатюра, рассказ, повесть и т.п.), заимствованная из ходовых французских и немецких журналов и альманахов 1790–1800-х гг., а также из авторских собраний сочинений и книг. В ее состав Жуковский включил и несколько оригинальных произведений (например, повесть «Марьяна роща», в которую превратился прежний замысел поэмы с тем же названием, или аллегорическую сказку «Три сестры»), трансформирующих карамзинский прозаический канон (средние жанры, разговорный стиль) в сторону поэтической прозы с повышенным психологизмом, романтическими мотивами и небытовым характером [20. С. 177–222]. И если переводная проза журнала в целом воспринималась читателями с интересом, но акцентированных реакций не вызывала, то по поводу «Марьиной рощи» разгорелась небольшая полемика, отразившая повышенное внимание к повести, и в дальнейшем нередко упоминавшейся (и даже переделанной А.И. Мещевским в поэму) и ставшей знаковой для репутации Жуковского. В журнале «Аглая» П.И. Шаликов опубликовал «Письмо любезному издателю “Вестника Европы”», где хвалил своего адресата («Но грации с удовольствием читают журнал

ваш; а ученые, а политики – что и говорить! Как журналист завидую – но самым дозволительным образом – участи “Вестника Европы”; как добрый приятель желаю любезному его издателю еще лучшей, еще блистательнейшей во всех трудах кабинета – и жизни!» [33. С. 29]), однако указал на пару бытовых несообразностей в сюжете повести. Жуковский, правда спустя время, откликнулся статьей «Благодарность любезному издателю “Аглаи”», в которой, рассыпавшись в похвалах и П.И. Шаликову, и самой форме комплиментарной критики, разъяснил несообразности с веретеном и лентами [34. С. 492–494]. А далее на обмен любезностями неожиданно откликнулся петербургский журнал «Цветник», в зачине статьи которого, посвященной совсем другой теме, неизвестный корреспондент не преминул поиронизировать над слащавостью подобных «polemik»: «Прочитав в “Аглае” письмо, заключающее *мануфактурное замечание сельских барынь* об ошибке автора “Марьиной рощи”, я ждал с большим нетерпением ответа издателя “Вестника Европы”: мне хотелось видеть войну двух издателей *журналов, читаемых во всей империи* и войну о *веретене*. Долго ожидание мое было тщетно, и я наконец не знал уже, чему приписать бездействие оскорбленного. <...> Наконец оно прервано и вместо мщенья мы увидели благодарность, сияющую во всем своем блеске. Признаюсь, нельзя без трогательного чувства, без умиления видеть тонкую осторожность, нежные укоризны, с одной стороны, с другой – признательность и великодушие! Эпитет *любезного*, столь приличный обоим издателям, находится при каждом обращении одного к другому» [35. С. 391–393].

Этот маленький, но примечательный эпизод 1809 г. отразил и репутацию Жуковского как редактора журнала, «читаемого во всей империи», и его статус примечательного прозаика («Марьяна роща» входила в дальнейшем во все собрания его прозы), и специфическую позицию по отношению к критике. В последнем аспекте, правда, проявилась непоследовательность. Карамзинский канон журнала требовал отказа от публичной критики и полемики. Напротив, отступление от этой позиции Каченовского в 1806–1807 гг. вызвало острое противодействие и ответные нападки дмитриевско-карамзинского круга. Казалось бы, с приходом Жуковского критический раздел должен был вновь исчезнуть, на что настраивала программная заглавная статья первого номера за 1808 г. «Письмо из уезда к издателю», но на деле критические материалы редактору удавались, причем разных жанров – обзор новой книги, рецензия на пьесу и спектакль (в «Московских записках»), статья по эстетике, исторический жанровый обзор – и эти образцы Жуковский впоследствии будет переиздавать в подборках своей прозы, поскольку они запомнились публике и стали знаковыми для автора [36. С. 70–90], с 1811 г., впрочем, никогда больше не обращавшегося к этому дискурсу. Более того, «Вестник Европы» в эпоху Жуковского не обошелся и без достаточно громких скандалов, например, после смерти С.С. Боброва, когда в одном июньском номере 1810 г. был напечатан – при полном согласии редактора – и некролог ему, и эпиграммы на Бибриса

П.А. Вяземского (а номером раньше К.Н. Батюшкова) [37]¹¹. Встать полностью вне полемической битвы набирающих силы младокарамзинистов с ветшающим поколением шишковистов Жуковский оказался не в силах, хотя до эпохи «Арзамаса» и держал дистанцию.

Новый образ Жуковского – журналиста, прозаика, критика – был бы, конечно, не полон без важнейшего компонента – поэзии. В 1808–1811 гг., продолжая лирический подъем 1806–1807 гг., он создает каждый год более чем по десятку новых стихотворений разных жанров. Почти все они быстро оказываются на страницах «Вестника Европы», предлагая читателю все новые версии жанров карамзинского канона – песни, любовного и дружеского послания [36. С. 107–128], романса, пейзажной лирики, элегии на смерть, эпитафии. И публика быстро начинает ощущать, что это поэзия иной природы, чем у Н.М. Карамзина и старших карамзинистов – психологизм и музыкальность в ней сочетается с преобразованием семантики, принципов словоупотребления, с иным характером образности, порождающим иллюзионистский эффект автономной реальности. Пожалуй, именно с этого периода стихи Жуковского начинают активно распространяться в списках. Эпистолярный родственников и друзей поэта полнится просьбами передать ту или иную тетрадь с его рукописями, дабы их переписать для себя и распространить дальше. Ту же роль выполняют и тетрадки номеров «Вестника Европы». А рядом с переписыванием – заучивание наизусть, переложение на музыку (стихи Жуковского – лидер по музыкальным переложениям из всех поэтов 1800–1810-х гг.), публичное чтение и театрализация. В сильной степени эта культура бытования стихов поддерживалась и инициировалась именно поэзией Жуковского (новые фигуры такого же характера и масштаба появились несколько позже). Спустя много лет совершенно разные люди вспоминали именно об этом – как бытовали и какой эффект производили его стихи. Так, например, писал В.Ф. Одоевский Жуковскому в январе 1849 г., передавая свои юношеские впечатления: «Вы были мне не товарищ! Помню, сквозь нелепые грезы детства, как мы, бывало, убегали в сад – правда, не под сень лип и платанов, но в кущу душистых тополей; был праздник – вышло новое стихотворение Жуковского! Мы теснились вокруг дерновой скамейки, где каждый по очереди прочитывал “Людмилу”, “Эолову арфу”, “Певца в стане русских воинов”, “Теона и Эхина” и прочитывал, едва переводя дыхание; мы любили каждое слово, заставляли повторять целые строчки, целые страницы, и новые ощущения нового мира возникали в юных душах» [38. Л. 230об.]. В параллель можно поставить, например, воспоминания М.И. Глинки 1854–1855 гг.: «Сентиментальная поэзия Жуковского мне чрезвычайно нравилась и трогала меня до слез (вообще говоря, в молодости я был парнем романтического устройства и любил поплакать сладкими слезами умиления)» [7. С. 259].

Но, конечно, квинтэссенцией поэзии Жуковского стал жанр, впервые заявивший о себе именно на страницах «Вестника Европы». Только с публикации баллады «Людмила» можно отсчитывать историю русской баллады, даже несмотря на наличие именитых

предшественников в лице Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, М.Н. Муравьева. От них произведение Жуковского отличал полный эффект погружения, не нуждающийся в опоре на реальный денотат. Если его элегии, песни и романсы отталкивались от жизнеподобных картин, суггестивно сдвигая их семантику и заставляя транслировать дополнительные трансцендентные смыслы, то баллада сразу переносила читателя в иное время и пространство. Как заметила М.Н. Виролайнен, «значение балладного творчества Жуковского для общего движения русской словесности заключается прежде всего в том, что здесь произошел принципиальный отрыв “мечты” от “существенности”, в том, что средствами поэтического слова был выстроен целый мир, организованный по собственным, независимым от житейских законам» [39. С. 8]. В «Вестнике Европы» поэт опубликовал только два своих первых балладных опыта (в мае 1808 г. «Людмилу» и в ноябре 1809 г. новую модификацию жанра – античную балладу «Кассандре»), но их значение было сразу почувствовано читателями – близкие увидели в них автопсихологический сюжет, а остальные оказались заворочены смелой фантастикой, динамичностью сюжета, яркостью образов и глубиной экзистенциальных конфликтов, за которыми стояла оригинальная художественная философия – судьбы, истории, природы [36. С. 91–107].

Второй взлет балладного вдохновения у Жуковского придется на 1812–1813 гг. (публикации с 1813 г.) – и это будет тоже время творческого энтузиазма и репутационного прорыва, что позволило поэту осознать их взаимосвязанность и заключить в письме к А.И. Тургеневу от 2 сентября 1813 г.: «Баллады мой избранный род поэзии» [23. С. 182]. П.А. Вяземский, прочтя в это время новый шедевр, писал Жуковскому в конце мая – начале июня 1812 г.: «Я прочел твою балладу “Светлану”. Браво! Как целое она лучше, по мне, двух первых <...> Меня восхищает точность твоих стихов, мера весьма трудная, а между тем многие строфы, в которых ни лишнего слова, ни упущенного нет. Пиши, Жуковский! Потомство твое, и ты его! <...> Я так обрадовался новой балладе, попавшейся нечаянно, столько раз ее перечитывал, что от первого до последнего стиха говорю ее наизусть» [40. С. 157]. Известно еще много отзывов современников на балладные публикации «Вестника Европы» и позднейшие (Н.И. Гнедича, С.П. Шевырева, М.А. Дмитриева), но выразительнее и точнее ставшего хрестоматийным отзыва Ф.Ф. Вигеля найти невозможно: «Упитанные литературою древних и французскою, ее покорною подражательницею <...>, мы в выборах его <Жуковского> увидели нечто чудовищное. Мертвецы, привидения, чертовщина, убийства, освещаемые луною, да это все принадлежит к сказкам да разве английским романам; вместо Геро, с нежным трепетом ожидающей утопающего Леандра, представить нам бешенострастную Ленору со скачущим трупом любовника. Надобен был его чудный дар, чтобы заставить нас не только без отвращения читать его баллады, но, наконец, даже полюбить их. Не знаю, испортил ли он наш вкус; по крайней мере создал нам новые ощущения, новые наслаждения. Вот и начало у нас романтизма» [7. С. 164].

Между тем, если персональная авторская репутация Жуковского в ходе редактирования «Вестника Европы» приобрела подлинную объемность, то с прагматически-коммуникативной точки зрения журнал вряд достиг предполагаемых в начале издания целей. До августа 1808 г. молодой журналист, не дождавшись сколько-нибудь значимого вклада товарищей (другие известные лица, приглашенные к сотрудничеству, вроде историка А.Л. Шлецера, тоже ответили отказом), формировал номера как своеобразные альманахи одного писателя. Затем наступила эпоха соредакторства с М.Т. Каченовским (конец 1808–1809 г.), а чуть спустя и просто работа по заказу последнего (1810–1811). Именно на последнем этапе к участию в журнале достаточно активно начинает подтягиваться молодое поколение карамзинистов (П.А. Вяземский, Д.П. Северин, К.Н. Батюшков и др.), но скромный статус Жуковского уже не позволял влиять на их консолидацию и проведение внятной общей линии. Разнобой в составе материала и в его качестве нередко порождал иронию друзей, как в письме П.А. Вяземского от середины июня 1809 г. с критикой статей, помещенных в № 11 («однако ж перечел твой последний номер и признаюсь, la monotonie l'accorder fort bien avec ma léthargie»¹²). Но уверяю тебя, если ты Мамышева своего не уймешь, он скоро будет описывать тебе, как пьют калмыцкие куры или ссут киргизские кошки <...> Позволь сказать тебе, что 11 твой № дурен – et que c'est scandaleux, de voir dans un journal rédigé par un homme à talents de misérables traductions d'un misérable Бунакова!¹³)» [40. С. 108, 109]. Спустя чуть более полугодия Жуковский 1 февраля 1810 г. отвечал ему в разочарованном тоне: «О себе самом нечего тебе сказать доброго: скучный “Вестник” и скучный “Вестник” и еще скучный “Вестник” – более ничего. Что бы ни было, а нынешний год есть последний моего ежемесячного бреда: надобно делать что-нибудь лучшее, чтобы не стоять твоих эпиграмм» [23. С. 82].

Важно отметить, что неоднозначный эффект вызвал и еще один проект Жуковского, над которым он работал по крайней мере с 1805 г., – составление и редактирование пятитомной антологии «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов» (опубликована в 1810–1811 г.). С одной стороны, проект был продолжением профессиональной коммерческой деятельности поэта и выпускался для получения дохода. И в этом плане усилия редактора оказались вознаграждены – «Собрание» не только активно раскупалось, но и стало настольной книгой многих читателей. Так, по наблюдениям В.Э. Вацура, для А.С. Пушкина и лицеистов антология была чем-то вроде учебника литературы, причем «значительное число – если не большинство – цитат из русских стихов XVIII – начала XIX века в его сочинениях восходят именно к антологии, составленной Жуковским» [41. С. 312]. Успех антологии был обусловлен тем, что в отличие от кружковых альманахов и сборников 1800-х гг. Жуковский не пошел по пути представления «домашней продукции» какого-то одного локального сообщества. Даже подвергаясь упрекам друзей за включение в антологию «всех этих гад» «беседчиков» и угрозам в

пику ему выпустить «другой выбор наших стихотворений», который будет «строжайшим» [40. С. 153] (письмо П.А. Вяземского от 18 мая 1812 г.), Жуковский поставил во главу угла репрезентативность, стремление объять все лучшее в отечественной поэзии, а также интерес публики. Пять томов «Собрания» стали жанровым портретом российской лирической словесности рубежа XVIII–XIX вв.

Однако выпуск антологии предполагал большую работу не только по составлению, но и по взаимодействию с авторами произведений, по крайней мере с теми, кто продолжал принимать активное участие в литературном процессе. Это открывало для Жуковского возможности по расширению круга личных знакомств, но, с другой стороны, было чревато недовольством авторов и потенциальными конфликтами. Без них тоже не обошлось. Самый известный эпизод этого плана был связан с патриархом литературы – и в то же время сторонником антикарамзинского лагеря, сооснователем «Беседы любителей русского слова» Г.Р. Державиным. Посредником в общении с ним выступил А.И. Тургенев, который, вероятно, еще в 1808–1809 гг. показал ему план антологии и заручился согласием на включение в нее ряда его стихотворений. Однако после выхода в свет в 1810 г. первых двух томов «Собрания» Г.Р. Державин 18 марта 1811 г. неожиданно разразился гневным письмом к А.И. Тургеневу, где говорил о нарушении договора, присвоении авторских прав и попытке составителя нажиться на его славе, а также угрожал обратиться в правительство для конфискации уже отпечатанных книг и запрета планировавшихся [42. С. 208–210]. А.И. Тургенев 11 апреля 1811 г. ответил большим письмом, где разобрал все претензии патриарха и попытался умиротворить его, попутно весьма выразительно очертив репутацию Жуковского: «Осмеливаюсь еще прибавить, что Жуковскому 28-й год; многие из наших поэтов, которые после сделались украшением Парнаса, не написали в эти лета ничего даже изрядного, а некоторые стихотворения Жуковского и теперь уже заслуживают лестное внимание. Их немного, но все они ознаменованы печатью истинного таланта и не могут не быть известны вашему высокопревосходительству» [42. С. 214]. Тем не менее отношения были нарушены, и в следующих книгах «Собрания» произведения Г.Р. Державина отсутствовали. Восстановились связи только в 1816 г., когда Жуковский уже находился на вершине успеха [43. С. 939–945; 44].

К антологии были существенные претензии и со стороны товарищей-младокарамзинистов. Составление и публикация «Собрания» пришлось на годы постепенной консолидации их круга и усиления полемики с оппонентами, а выход в свет трех заключительных томов вообще совпал с моментом основания «Беседы любителей русского слова». Невозможность уложить материал антологии в единый художественный канон очень раздражала представителей всех литературных «партий», задававшихся вопросом о принципе отбора Жуковским авторов и их произведений. Свести воедино ряд таких претензий попытался П.А. Вяземский. Его «Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков» в свое время остались

домашним опусом, а при первой публикации оказались датированы 1809 г. Но, очевидно, они были составлены не ранее выхода в свет первых двух томов «Собрания», то есть в 1810 или в начале 1811 г. Среди прочих здесь звучали такие «запросы»: «Зачем не напечатали вы прекрасного перевода Мерзлякова Тиртеевых од, а напечатали его песню <...> Зачем не удостоили вы своим благоволением прекраснейшие стихи Магницкого на смерть Валериана Зубова, и оду Державина, писанную к нему же после возвращения из Персии, а напротив, зачем удостоили вы какую-то “Феодицею”, в которой нет ничего, кроме бомбаста, стоять в числе “Русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев”? <...> Чем прогневились перед вами “Дарования”, ода Карамзина, и “Фантазия”, ода Востокова? <...> отчего в одном первом томе находим мы четырнадцать пьес Капниста, а только четыре Дмитриева?» [45. С. 1–9] Неизвестно, удовлетворил ли Жуковский любопытство молодого критика, но сам составитель антологии находился в тот момент в ситуации сложного выбора.

К концу 1811 г. Жуковский снизил свое участие в «Вестнике Европы» и готовил все меньше материалов для него. М.Т. Каченовский еще сохранял надежды на сотрудничество и писал куму 3 января 1812 г.: «С нынешнего года начнется у нас новый счет, ежели Вы станете присылать свои пьесы, которыми весьма много меня одолжите при теперешних разнообразных моих упражнениях. Я и в прошедшем году тосковал о Вашей лени, быв крайне озабочен, входить же в связи ни с кем из прозаиков не хотел, со дня на день ожидал Вашего транспорта» [46. Л. 63]. Его надежды не оправдались – Жуковский ушел из профессиональной журналистики и больше в нее никогда не вернулся. Вместе с этим исчез и постоянный источник дохода, хотя, освобожденный от необходимости постоянно что-то переводить в прозе и на заказ, молодой поэт продолжил активно заниматься своими лирическими замыслами. В первой половине 1812 г. он жил у Плещеевых в Черни и буквально купался в атмосфере теплого дружеского общения и карнавалльно-пародийного творчества. Это, впрочем, не отменяло грозного вопроса о житейском и литературном будущем.

Вторжение наполеоновских войск неожиданно внесло в него новую перспективу. В конце июля 1812 г. Жуковский вступил в Московское ополчение, 12 августа получил чин поручика, а уже 26 августа, находясь в недалеком тылу, стал свидетелем Бородинского сражения. Директор полковой типографии А.С. Кайсаров, товарищ Жуковского по пансиону и Дружескому литературному обществу, через своего брата, полковника П.С. Кайсарова, отрекомендовал ополченца фельдмаршалу М.И. Кутузову «для лучшего употребления таланта поэта» [47. С. 51] (см. также [48. С. 71–75; 49]). Сопровождая русское войско вместе с типографией, Жуковский оказался в гуще той самой военной и политической жизни, которой чуждался и даже в «Вестнике Европы» полностью отдал на

откуп М.Т. Каченовскому, а участие в выпуске листовок, реляций и агитационных материалов непосредственно вовлекло его в отражение и словесное воплощение происходящего. Органичным продолжением этой рефлексии стали два ярчайших лирических опыта – «Певец во стане русских воинов» (первая редакция, 13–20 октября 1812 г., предположительно напечатано в походной типографии) и «Вождю победителей» (отпечатано в походной типографии 10 ноября 1812 г.). Как показал Ю.М. Лотман, оба эти стихотворения были тесно включены в полемики вокруг оставления Москвы, роли М.И. Кутузова, оценок Л.Л. Бенигсена и приобретали черты мгновенной литературной хроники, поэтической зарисовки из гущи событий, что решительно их отличало, например, от обобщенности ранней «Песни барда над гробом славян-победителей» 1806 г. Так завязался новый и этапный для Жуковского репутационный узел: самый яркий молодой поэт поколения волею судьбы и своей волею оказался рядовым ополченцем, прошедшим с русским войском от Бородино до Вильно, а скромный деятель походной типографии, став непосредственным свидетелем исторических событий, претворил их в лирический документ высочайшего уровня. Энергия, заключенная в этой ситуации и заряжающая эти тексты, не могла остаться втуне – и уже в начале 1813 г. решительно изменила траекторию литературной карьеры Жуковского, о чем мы уже писали в отдельной статье [50].

Обработывая свои военные дневниковые заметки и готовя их к публикации в 1814 г., когда репутационный прорыв уже произошел, Ф.Н. Глинка в «Письмах русского офицера» создал выразительный образ этой ситуации декабря 1812 г., когда больной Жуковский лежал в Вильно, а в номерах «Вестника Европы» готовилась публикация его «Певца во стане русских воинов»:

18 декабря. Я два раза навещал одного <из> излюбленнейших поэтов наших, почтенного В.А. Жуковского.

Он здесь, в Вильне, был болен жестокою горячкою; теперь немного обмогается.

Отечественная война переродила людей. Благородный порыв сердца, любящего отечество, увлек его из круга мирных занятий, от прелестных бесед с музами в шумные поля брани.

Как грустно видеть страдания того, кто был таким прелестным певцом во стане русских и кто дарил нас такими прекрасными балладами!

Мой друг! сия война ознаменована какою-то священной важностью, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное, отцы вырывались из объятий семейств, писатели – из объятий независимости и муз, чтоб стать грудью за родной предел. Последние, подобно трубадурам рыцарских времен или бардам Оссиана, пели и под шумом военных бурь.

Многие, цenia дарования любезного поэта, навещают его в болезни. Более всех принимает в нем участие почтенный генерал П.С. Кайсаров [51. С. 11–12].

Примечания

¹ Подразумевается издание Н.М. Карамзина и П.П. Бекетова 1801 г. «Пантеон российских авторов».

- ² Воспоминания П.А. Плетнева.
³ шедевром (франц.)
⁴ Подразумевается трагедия Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский».
⁵ Оригинал на франц. яз.
⁶ Вероятно, подразумевается стихотворение Жуковского «В разлуке я искал смягченье тяжких бед...».
⁷ Текст исправлен по автографу [18. Л. 100–101].
⁸ Только история перевода последнего проявилась недавно [19].
⁹ мой дорогой кузен (франц.).
¹⁰ См. его письма этого периода [23. С. 53–62].
¹¹ Ср. также выявленные М.Б. Велижевым аспекты конкуренции «Вестника Европы» с «Русским вестником» С.Н. Глинки [24].
¹² его однообразие очень хорошо сочетается с моей летаргией (франц.).
¹³ и что это скандально видеть в журнале, издаваемом человеком с талантами, жалкие переводы несчастного Бунакова! (франц.).

Список источников

1. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении (О литературной репутации Пушкина) // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 51–69.
2. Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту : University of Tartu press, 2013. С. 7–34.
3. Киселев В.С. Творчество В.А. Жуковского в рецепции литературной критики первой половины XIX века: к постановке проблемы // Имагология и компаративистика. 2024. № 21. С. 207–219. doi: 10.17223/24099554/21/10
4. Макаров П.И. Новые книги. Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М., 1800 и 1803 г. В 12 д. л. Книжки: первая и вторая // Московский Меркурий. 1803. Ч. 2. Июнь. С. 180–184.
5. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 104. Карт. 6. № 39.
6. Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М. : Издание «Русского архива», 1869. 300 с.
7. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М. : Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. 726 с.
8. НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 11.
9. К биографии Карамзина // Русский архив. 1895. № 12. С. 493–497.
10. Кочеткова Н.Д. Жуковский и Карамзин // Жуковский и русская культура. Л. : Наука, 1987. С. 190–217.
11. Фрик Т.Б. «Жуковский есть истинный наш брат»: Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский (к проблеме «Карамзин и его окружение») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 72–80. doi: 10.17223/15617793/483/7
12. Березкина С.В. Жуковский и Карамзин (к вопросу о формировании литературной репутации поэта в 1797–1807 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/507/1
13. Дмитриев И.И. Сочинения. СПб. : Издание Е. Евдокимова, 1893. Т. 2. 340 с.
14. Вацура В.Э., Виролайнен М.Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л. : Наука, 1987. С. 350–431.
15. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (РО ИРЛИ). № 21823.
16. Из писем к В.А. Жуковскому. Письма графа Д.Н. Блудова // Русский архив. 1902. № 6. С. 335–348.
17. Письма И.И. Дмитриева к В.А. Жуковскому // Русский архив. 1871. № 3. Стб. 409–430.
18. РО ИРЛИ. № 28033.
19. Березкина С.В. Перевод либретто оратории Й. Гайдна «Времена года» – неизвестное произведение В.А. Жуковского // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 34–58. doi: 10.17223/24099554/18/2
20. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск : Издательство Томского университета, 2004. 406 с.
21. Каченовский М.Т. Новая книга. «Дон Кишот Ламанхский». Сочинение Серванта. Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским. В 6 томах. В 12 долю листа. Москва. В типографии Платона Бекетова // Вестник Европы. 1806. Ч. 30. № 24. С. 286–292.
22. НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 6. № 45.
23. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Издательский дом ЯСК, 2018. Т. 15. 1088 с.
24. Велижев М.Б. «Вестник Европы» в литературной и общественной жизни второй половины 1800-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 181 с.
25. НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 6. № 47.
26. НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 16.
27. Киселев В.С. Формы коммуникативно-повествовательной интеграции в «Вестнике Европы» В.А. Жуковского (1808–1810 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3 (15). С. 101–112.
28. Киселев В.С. Эволюция коммуникативно-повествовательной структуры «Вестника Европы» В.А. Жуковского (1808–1811) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 1 (17). С. 61–73.
29. Симанков В.И. Из разысканий о журнале «Вестник Европы» (1808–1810 гг.) // Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 1. С. 106–125.
30. Симанков В.И. «Вестник Европы» (1802–1810): Источники переводов, авторство анонимных и псевдонимных текстов. Материалы к каталогу // Пушкинские чтения в Тарту 6. Тарту : University of Tartu press, 2020. С. 272–362.
31. Переводы в прозе В.А. Жуковского. М., 1816. Ч. 1–4.
32. Переводы в прозе В.А. Жуковского. СПб., 1827. Ч. 1–3.
33. Шаликов П.И. Письмо любезному издателю «Вестника Европы» // Аглая. 1809. Ч. 7. Июль. С. 26–29.
34. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 10, кн. 2. 832 с.
35. Два слова постороннего // Цветник. 1809. Ч. 3. № 9. С. 391–396.
36. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 524 с.
37. Проскурин О.А. Поминки по Бибрису. Почему в «Вестнике Европы» смеялись над покойником // Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М. : ОГИ, 2000. С. 81–115.
38. Российская национальная библиотека. Ф. 539. Оп. 1. № 96.
39. Виролайнен М.Н. «Узлы» и «циклы» в истории русской литературы // Русская литература. 2017. № 3. С. 5–13.
40. «Мы столько прожили с тобой на свете...» Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского 1807–1852 гг. : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2021. Т. 1. 624 с.
41. Вацура В.Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л. : Наука, 1986. Т. 12. С. 305–323.
42. Сочинения Державина : в 9 т. СПб. : Издание Императорской Академии наук, 1871. Т. 6. 936 с.
43. Грот Я.К. Жизнь Державина // Державин Г.Р. Сочинения : в 9 т. СПб. : Издание Императорской Академии наук, 1880. Т. 8. 1044 с.

44. Файман Т. Державин и Жуковский. К вопросу о творческом наследовании // Пушкинские чтения в Тарту 3 : материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту : University of Tartu press, 2004. С. 9–29.
45. Вяземский П.А. Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков (1809) // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб. : Издание графа С.Д. Шереметева, 1878. Т. 1. С. 1–9.
46. РО ИРЛИ. № 28075.
47. Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. 274 с.
48. Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. 192 с.
49. Березкина С.В. А.С. Кайсаров и Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова // Русская литература. 1986. № 1. С. 138–148.
50. Киселев В.С. «Чудо, сотворенное тобою, удивительнее чуда Орфея»: литературная репутация В.А. Жуковского в 1813–1820 гг. // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 203–234. doi: 10.17223/24099554/23/11
51. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера // Русский вестник. 1814. № 7. С. 3–120.

References

1. Reytblat A.I. Kak Pushkin vyshel v genii (O literaturnoy reputatsii Pushkina) // Reytblat A.I. Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskiye ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi. M. : Novoye literaturnoye obozreniye, 2001. S. 51–69.
2. Vdovin A., Leybov R. Khrestomatiyn-yye teksty: russkaya poeziya i shkol'naya praktika XIX stoletiya // Khrestomatiyn-yye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskii kanon. Tartu : University of Tartu press, 2013. S. 7–34.
3. Kiselev V.S. Tvorchestvo V.A. Zhukovskogo v retseptsii literaturnoy kritiki pervoy poloviny XIX veka: k postanovke problemy // Imagologiya i komparativistika. 2024. № 21. S. 207–219. doi: 10.17223/24099554/21/10
4. Makarov P.I. Nov-yye knigi. Utrennyaya zarya. Trudy vospitannikov Universitetskogo blagorodnogo pansiona. M., 1800 i 1803 g. V 12 d. l. Knizhki: pervaya i vtoraya // Moskovskiy Merkurii. 1803. CH. 2. Iyun'. S. 180–184.
5. Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (NIOR RGB). F. 104. Kart. 6. № 39.
6. Dmitriyev M.A. Melochi iz zapasa moyey pamyati. M. : Izdaniye «Russkogo arkhivA», 1869. 300 s.
7. V.A. Zhukovskiy v vospominaniyakh sovremennikov. M. : Nauka; Shkola «Yazyki russkoy kul'turY», 1999. 726 s.
8. NIOR RGB. F. 104. Kart. 8. № 11.
9. K biografii Karamzina // Russkiy arkhiv. 1895. № 12. S. 493–497.
10. Kochetkova N.D. Zhukovskiy i Karamzin // Zhukovskiy i russkaya kul'tura. L. : Nauka, 1987. S. 190–217.
11. Frik T.B. «Zhukovskiy yest' istinnyy nash braT»: N.M. Karamzin i V.A. Zhukovskiy (k probleme «Karamzin i yego okruzheniYE») // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 483. S. 72–80. doi: 10.17223/15617793/483/7
12. Berzskina S.V. Zhukovskiy i Karamzin (k voprosu o formirovani literaturnoy reputatsii poeta v 1797–1807 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 507. S. 5–12. doi: 10.17223/15617793/507/1
13. Dmitriyev I.I. Sochineniya. SPb. : Izdaniye YE. Yevdokimova, 1893. T. 2. 340 s.
14. Vatsuro V.E., Virolaynen M.N. Pis'ma Andrey Turgeneva k Zhukovskomu // Zhukovskiy i russkaya kul'tura. L. : Nauka, 1987. S. 350–431.
15. Rukopisnyy otdel Instituta russkoy literatury (Pushkinskogo Doma) Rossiyskoy akademii nauk (RO IRLI). № 21823.
16. Iz pisem k V.A. Zhukovskomu. Pis'ma grafa D.N. Bludova // Russkiy arkhiv. 1902. № 6. S. 335–348.
17. Pis'ma I.I. Dmitriyeva k V.A. Zhukovskomu // Russkiy arkhiv. 1871. № 3. Stb. 409–430.
18. RO IRLI. № 28033.
19. Berzskina S.V. Perevod libretto oratorii Y. Gaydna «Vremena godA» – neizvestnoye proizvedeniye V.A. Zhukovskogo // Imagologiya i komparativistika. 2022. № 18. S. 34–58. doi: 10.17223/24099554/18/2
20. Ayzikova I.A. Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2004. 406 s.
21. Kachenovskiy M.T. Novaya kniga. «Don Kishot Lamankhskiy». Sochineniye Servanta. Perevedeno s frantsuzskogo Florianova perevoda V. Zhukovskim. V 6 tomakh. V 12 dolyu lista. Moskva. V tipografii Platona Beketova // Vestnik Yevropy. 1806. CH. 30. № 24. S. 286–292.
22. NIOR RGB. F. 104. Kart. 6. № 45.
23. Zhukovskiy V.A. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem : v 20 t. M. : Izdatel'skiy dom YASK, 2018. T. 15. 1088 s.
24. Velizhev M.B. «Vestnik YevropY» v literaturnoy i obshchestvennoy zhizni vtoroy poloviny 1800-kh gg. : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2004. 181 s.
25. NIOR RGB. F. 104. Kart. 6. № 47.
26. NIOR RGB. F. 104. Kart. 8. № 16.
27. Kiselev V.S. Formy kommunikativno-povestvovatel'noy integratsii v «Vestnike YevropY» V.A. Zhukovskogo (1808–1810 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2011. № 3 (15). S. 101–112.
28. Kiselev V.S. Evolyutsiya kommunikativno-povestvovatel'noy struktury «Vestnika YevropY» V.A. Zhukovskogo (1808–1811) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2012. № 1 (17). S. 61–73.
29. Simankov V.I. Iz razyskaniy o zhurnale «Vestnik YevropY» (1808–1810 gg.) // Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2010. Vyp. 1. S. 106–125.
30. Simankov V.I. «Vestnik YevropY» (1802–1810): Istochniki perevodov, avtorstvo anonimnykh i psevdonimnykh tekstov. Materialy k katalogu // Pushkinskiye chteniya v Tartu 6. Tartu : University of Tartu press, 2020. S. 272–362.
31. Perevody v proze V.A. Zhukovskogo. M., 1816. CH. 1–4.
32. Perevody v proze V.A. Zhukovskogo. SPb., 1827. CH. 1–3.
33. Shalikov P.I. Pis'mo lyubeznomu izdatel'yu «Vestnika YevropY» // Aglaya. 1809. CH. 7. Iyul'. S. 26–29.
34. Zhukovskiy V.A. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem : v 20 t. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. T. 10, kn. 2. 832 s.
35. Dva slova postoronnego // Tsvetnik. 1809. CH. 3. № 9. S. 391–396.
36. Yanushkevich A.S. V mire Zhukovskogo. M. : Nauka, 2006. 524 s.
37. Proskurin O.A. Pominki po Bibrisu. Pochemu v «Vestnike YevropY» smeyalis' nad pokoynikom // Proskurin O.A. Literaturn-yye skandaly pushkinskoy epokhi. M. : OGI, 2000. S. 81–115.
38. Rossiyskaya natsional'naya biblioteka. F. 539. Op. 1. № 96.
39. Virolaynen M.N. «Uzly» i «tsikly» v istorii russkoy literatury // Russkaya literatura. 2017. № 3. S. 5–13.
40. «My stol'ko pozhili s toboy na svetE...» Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo 1807–1852 gg. : v 2 t. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2021. T. 1. 624 s.
41. Vatsuro V.E. Iz istoriko-literaturnogo kommentariya k stikhotvoreniyam Pushkina // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L. : Nauka, 1986. T. 12. S. 305–323.
42. Sochineniya Derzhavina : v 9 t. SPb. : Izdaniye Imperatorskoy Akademii nauk, 1871. T. 6. 936 s.
43. Grot YA.K. Zhizn' Derzhavina // Derzhavin G.R. Sochineniya : v 9 t. SPb. : Izdaniye Imperatorskoy Akademii nauk, 1880. T. 8. 1044 s.

44. Fayman T. Derzhavin i Zhukovskiy. K voprosu o tvorcheskoy nasledovaniy // Pushkinskiye chteniya v Tartu 3 : materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 220-letiyu V.A. Zhukovskogo i 200-letiyu F.I. Tyutcheva. Tartu : University of Tartu press, 2004. S. 9–29.
45. Vyazemskiy P.A. Zaprosy gospodinu Vasiliyu Zhukovskomu ot sovremennikov i potomkov (1809) // Vyazemskiy P.A. Polnoye sobraniye sochineniy : v 12 t. SPb. : Izdaniye grafa S.D. Sheremeteva, 1878. T. 1. S. 1–9.
46. RO IRLI. № 28075.
47. Zeydlits K.K. Zhizn' i poeziya V.A. Zhukovskogo: Po neizdannym istochnikam i lichnym vospominaniyam. SPb. : Tip. M.M. Stasyulevicha, 1883. 274 s.
48. Lotman YU.M. Andrey Sergeyevich Kaysarov i literaturno-obshchestvennaya bor'ba yego vremeni. Tartu, 1958. 192 s.
49. Berezkina S.V. A.S. Kaysarov i Zhukovskiy v voyennoy tipografii pri shtabe Kutuzova // Russkaya literatura. 1986. № 1. S. 138–148.
50. Kiselev V.S. «Chudo, sotvorennoye toboyu, udivitel'noye chuda OrfeYA»: literaturnaya reputatsiya V.A. Zhukovskogo v 1813–1820 gg. // Imagologiya i komparativistika. 2025. № 23. S. 203–234. doi: 10.17223/24099554/23/11
51. Glinka F.N. Pis'ma russkogo ofitsera // Russkiy vestnik. 1814. № 7. S. 3–120.

Информация об авторе:

Киселев В.С. — д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Kiselev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.03.2025;
одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 10.03.2025;
approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.*